

РАССКАЗЫ

КОФЕ ПО-ВЕНСКИ

Снарядился Леха неожиданно-негаданно для себя в Вену.

На дворе уж несколько месяцев, как бушевало новое тысячелетие, и несколько дней, как очередная весна, ошарашившая солнцем, теплом и резко укоротившимися юбками.

— Леха, здорово. У тебя же Шенген есть? — пробасил в трубку Тарасов. — Да, знаю — есть у тебя, даже не отпирайся. Тут дело на миллион.

— И какова моя доля в этом миллионе?

— Всего делов, смотаться в Австрию. Отфотографировать там объект и вернуться живым и здоровым. Билеты, проживание и разумные карманные расходы с меня. Давай соглашайся по-быстрому.

— Размеры разумного, как и сам разум у каждого разные, — без энтузиазма ответил Леха и принял предложение.

Венский вальс

В первый день, бросив нехитрые пожитки в гостиничный номер, Леха прогулялся по пешеходной улице от ратуши до венской оперы, потом поужинал и отправился на поиски приключений.

Кружа по улочкам и переулкам пешеходного центра, Леха наткнулся на бар-клуб, в котором танцевали сальсу с бачатой. Он как раз незадолго до этого ходил около месяца на занятия в группу, с трудом осваивая там зажигательные па.

Девушек было, как всегда, больше, чем хороших партнеров. Заглотив у барной стойки две текилы с солью и лаймом, Леха огляделся, увидел симпатичную одиночку и, давая в голове ритм: раз-два-три, пауза, пять-шесть-семь, пауза, направился к барышне.

В такие места люди приходят насладиться танцами, освоить новые вершины мастерства или покорить сердца одноклубников феерическим сочетанием фигур. Поэтому здесь не надо проходить фейс-контроль у барышни и здесь не отказывают партнеру ни по расовым, ни по политическим, ни по каким другим причинам. Только если уже знают, что танцор ты хреновый, но Леха-то был темной лошадкой, тем более что шел уверенно — раз-два-три, пауза...

— My name is Alex.

— Mary.

Они вышли, взявшись за руки. Леха, согнув в локте, левую руку, поднял ее послушную ладонь правой руки на уровень носа. Своей правой сделал партнерше посыл на

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора» и «ЛиТегатура» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

вращение, и она послушно и грациозно выполнила фигуру Enchufla. Вышли на Deli que no, раз-два-три, пауза. Мари улыбнулась. Своими по-кошачьи мягкими, но безупречно точными шагами она скрадывала Лехину неопытность.

Он снова послал ее на Enchufla, потом Deli que no... Потом опять и опять. Мари послушно и точно выполняла эти две фигуры одна за другой. Такова природа сальсы. Мужчина — ювелир, женщина — бриллиант. Он задает огранку, она сверкает. А тут Enchufla, Deli que no, Enchufla, Deli que no и т. д. Вспомнился рассказ Драгунского. Дениска кружит на мопеде по двору, не зная, как остановиться. «Столбик, ворота, скамеечка, домоуправление...» Да, у Дениски было больше разнообразия, но Леха тоже не знал, как ему остановить этот повторяющийся по кругу танец.

Мари мужественно докружилась до конца музыкальной композиции.

— Thank you. It was nice (спасибо. Было приятно), — Мари, добрая душа, видимо, решив приободрить начинающего русского танцора, чмокнула Леху в щеку.

Не обольщаясь насчет своих танцевальных успехов, Леха отнес этот реверанс к другим достоинствам и пригласил Мари выпить. Ошибка, Леха. Это же не обычный клубешник, где: чай, кофе, потанцуем? Потанцуем — да, а вот чай, кофе и все остальное — нет.

— My boy-friend will not be happy, sorry, have a nice evening (мой парень это не одобрит, прости, хорошего вечера).

Агент КГБ

Продолжать сальсу было неохота. Но душа требовала реванша. Леха, покружив еще немного по центру Вены, тормознул перед помпезной дверью в стиле ампир.

Дверь распахнул бородатый швейцар, одетый под альпийского стрелка позапрошлого века. Это был вызов. Леха поднял воображаемую перчатку и шагнул через порог. Альпийский стрелок, видимо, сделал ставку на то, что Леха ретируется, не очень ловко отступил, освобождая проход и при этом роняя абсолютно реальную кожаную перчатку.

Пройдя несколько шагов вперед и очутившись в холле, ничего общего не имевшем со стилем ампир — стекло и металл, Леха столкнулся с двумя секьюрити с шевелюрами скинхедов, поигрывавших бицепсами. За спиной, где остались ампир и позапрошлый век, слышалось кряхтение альпийского стрелка, нагнувшегося за перчаткой, и отчетливо прозвучало без всякого акцента:

— Черт бы побрал.

Охранники, взглядом ошупав Леху, кивком простимулировали его к лестнице на второй этаж. Там оказался вполне приличный клуб не для малолеток. Столики, стойка с находящимися в непрерывном движении барменами. Публика приличная. Музыка в стиле Криса Ри и Брайана Адамса.

Токмо волею пославшего его инстинкта Леха очутился у стойки рядом со среднего роста шатенкой в высоких сапогах на каблуке, с выгнутой спинкой, не ссутуленной, а, наоборот, имевшей изгиб в пояснице в обратном направлении, от чего то, что было ниже позвоночника, особенно радовало своей выпуклостью.

«Спортсменка бывшая, наверное», — мелькнула у Лехи мысль.

— Sorry...

Спортсменка повернулась к Лехе, прядь каштановых волос упала на лицо, закрывая один глаз. Второй оказался изумрудным между широко распахнутыми, тщательно накрашенными ресницами. Рядом пристроился аккуратненький, чуть вздернутый носик.

— Может, лучше по-русски, — она чуть раздвинула в улыбке пухлые, но натуральные губы и убрала с лица непослушную прядку.

— Yes, it's possible, but only after one drink (да, возможно, но только после того как выпьем). Самбука?

— Хорошо. Я — Маша. Вы турист?

— Почти.

Официант поставил перед Лехой две стопочки для текилы с прозрачной жидкостью.

— What's this? (что это?) — Лехе одновременно удивленно и негодующие уставился на бармена.

— Oh, sorry... (о, простите...) — бармен бросил в стопки по два кофейных зернышка и гордо посмотрел на Леху.

— Вот каналья. Что же он творит?

После Лехиных разъяснений на стойке появился пузатый коньячный бокал, стакан для виски, соломинка, бумажные салфетки и зажигалка.

Если кто, так же как и Маша, уехал из России до того, как все бармены освоили этот трюк с самбукой, рассказываю.

Самбуку с зернышками кофе наливаем в коньячный бокал. Поджигаем. Три-пять секунд горения, и содержимое быстро переливается в стакан, при этом перевернутый коньячный бокал остается в качестве крышки. Без доступа кислорода огонь скоро гаснет. Не переворачивая бокал, снимаем его, быстро прикрыв снизу салфеткой, чтобы пары не ушли. Затем заглатываем залпом теплую самбуку из стакана, протыкаем соломинкой салфетку и глубоко втягиваем из коньячного бокала спирто-анисовые пары. И вуа-ля.

Леха прикрыл глаза от удовольствия. Тепло проглоченной жидкости медленно опускалось вниз, разливая по телу приятное ощущение тепла, а пары, втянутые через соломинку, поднимались вверх, обволакивая и затуманивая мозг.

Молоденький бармен с серьгой в ухе с наполовину выбритой головой только и произнес:

— That's great. Would you like one more? For free (это потрясающе. Не хотите повторить? Бесплатно).

Под халявную самбуку он узнал, что Маша и правда в Союзе была спортсменкой — художественная гимнастика, выступала за сборную. Жила в Самаре. Пять лет назад уехала сюда. Сейчас живет с Манфредом, который должен скоро подойти.

— Здесь хорошо, спокойно, скучновато немного, вон даже фокусов с самбукой не знают.

— Давай сбежим, скучно не будет.

Похоже, она уже собиралась сказать «давай», но вдруг ее лицо изменилось, она помахала кому-то рукой.

Манфред в клубном клетчатом пиджаке с кашне, аккуратно повязанном вместо галстука, гладко зачесанные назад с обильной проседью средней длины волосы, морщины часто улыбающегося человека, густые, хорошо подстриженные брови. Стареющий ловелас — так бы охарактеризовали его во времена Толстого.

Манфред предложил всем троим перебраться за столик, зарезервированный им заранее. Старался быть душкой в глазах своей молодой подруги — играя радушного хозяина, гостеприимно принимающего соотечественника своей girl-friend. Охотно и со вкусом рассказал, что фирма, в которой он работает, производит и продает всякие полезные home appliances (товары для дома). Не так давно они начали продажи в Россию, в Москву. Пока небольшие обороты.

— Oh, you're from St. Petersburg! I've never been, but I know it's a wonderful city. And what are you doing? How it is in Russia? (о, вы из Санкт-Петербурга! Никогда не был, но я знаю — это великолепный город. Чем вы занимаетесь? Как живет в России?)

Видно было, что он приготовился услышать о том, как херово там в России живет-ся: работы нормальной нет, преступность зашкаливает, страшно жить и страшно хочется жить где-нибудь здесь, на родине Манфреда.

Леха порылся в кармане куртки, а потом картинно, как фокусник, извлек прямоугольник из белого картона и небрежно бросил его на стол. Манфред извлек из внутреннего кармана пиджака очки, цепочка от дужек скрывалась на его шее где-то под кашне.

— I think I know this company (кажется, мне знакома эта компания).

Леха объяснил, что работает представителем этой немецкой фирмы в России. Поставки в сфере строительства. Продажи прут вверх. Часто бывает в Германии. Все пучком. Жить интересно и весело. Недавно вернулся из Сингапура.

Манфред кивал, поначалу разочарованный, что собеседник не жалуется и вовсе не завидует ему, но потом оживился, вытащил из манерной визитницы свою карточку и протянул, словно вручал орден Почетного легиона. Поинтересовался, может ли Леха в Санкт-Петербурге посоветовать фирмы или партнеров, которым были бы интересны его home appliances.

— Our market is similar to yours (рынок нашей продукции близок к рынку, на котором работаете вы).

Леха щедро пообещал дать ему контакты, потом предложил сфоткать его с Машей. Щелкнул их пару раз на карманную мыльницу. Потом спросил разрешения сфотографироваться с Машей, и, наконец, сам Манфред, расчувствовавшись, предложил им сделать фото втроем, попросив официанта нажать на кнопку. Затем австриец, извинившись, отлучился на минуточку в мужскую комнату.

— Маша, пойдемте отсюда.

— Ну как я уйду!? Я не могу.

— Здесь же скука смертная. Найдем место повеселее. Потанцуем. Я несколько часов в Вене, а уже без труда отведу тебя в сальса-бар.

— А что я ему потом скажу, как объясню?

— Ну, это уж что тебе фантазия подскажет. Я тоже могу пару вариантов присоветовать. Пошли.

Леха настойчиво уговаривал. Маша колебалась.

— Погуляем по набережной. Дунай, конечно, не Волга, но вспомнишь Самару.

Маша уже не имела ни аргументов, ни сил отказываться...

Но тут нарисовался Манфред, и Машин порыв, так тщательно раздуваемый Лехой, угас. «Вот, блин. Нет чтобы его запор пробрал и затрудненное мочеиспускание».

Австриец готов был обсуждать дальше перспективы бизнеса в Петербурге, но Лехе вдруг стало противно. «Какого лешего этот лощеный х... прется от довольства собой, считает, что в Рашке одни кашки, и трахает молодую симпатичную Машку».

— Manfred, I know what is your company really do in Russia (Манфред, мне известно, чем на самом деле занимается ваша фирма в России), — в голосе Лехи зазвучал металл.

Но Манфред пока не осознал изменение в интонации.

— Oh, really? Great! (правда? Здорово!)

Леха навалился на стол и, придвинувшись к Манфреду, еще более холодным тоном сообщил, что все раскрыто и известно, что они поставляют в Россию бытовую технику, начиненную подслушивающими устройствами. Что фирму их скоро закроют в России, выкатят по дипканалам предъяву им здесь в Вене, а его обвинят в том, что он через русскую сожительницу слил эту информацию нашей разведке. А вот и наши совместные фотки весьма кстати. Так что если он не хочет, чтобы дело приняло такой

оборот, то пусть по-быстрому тихо и беззвучно испарится отсюда, предварительно оплатив счет.

По мере получения этой информации, выдыхаемой Лехой вместе с текильно-самбучными парами прямо в лицо Манфреду, тот менялся в лице, особенно в его цвете. Видимо, в мозгу его наконец-то сложился пазл, который до этого распадался на никак не вяжущиеся друг с другом куски. «Русский, не жалуется на жизнь и не хочет уехать в Европу. По-английски говорит не хуже, а то и лучше, чем он. Похоже, действительно при деньгах. Вывод один: он из КГБ».

— Are you from KGB? (ты из КГБ?) — спросил наконец посиневший Манфред.

Леха не стал разубеждать австрийца. Тот потребовал удалить фотографии. В ответ увидел перед носом дулю, сложенную из довольно увесистого кулака. Манфред, чувствуя бесперспективность единоборства, судорожно порвал Лехину визитку пополам. Леха, взбеленившись, изорвал визитку австрийца и бросил тому в лицо. Это, пожалуй, был перебор, но рядом сидела Маша, и уронить честь и опустить планку Леха уже не мог.

— I'll ask for police (я вызову полицию), — прошипел Манфред и, неожиданно быстро вскочив, стал лавировать между столиками к выходу в сторону секьюрити.

— Черт, что ты наделал?! — воскликнула Маша. — Он же действительно сейчас полицию вызовет. А тебе это нужно? Да и мне ни к чему, я у них здесь на птичьих правах. Иди скорее в сортир. В женский. Я их отправлю в мужской, а сама тебе дам знать. Может, тебе и удастся прорваться.

Праведный пыл, да и неправедный тоже поутихли, а перспектива ехать в полицейский участок не радовала. Если б он действительно был агентом КГБ, а так... Еще визу, чего доброго, закроют.

Машин план сработал, и Леха успел выскочить в распахнутую перед ним ничего не подозревавшим альпийским стрелком дверь, когда бодрый топот громил секьюрити уже был отчетливо слышен на лестнице. Спокойно вздохнул Леха, только когда, сделав несколько маневров с поворотами вправо-влево в узкие темные переулки Вены, очутился у ратуши. А тут и до отеля рукой подать.

Венская опера

Ранним утром лучик европейского солнца разбудил Леху, заглянув сквозь неплотно задернутую штору. Леха решил воспользоваться хорошей погодой и ранним подъемом и совершил пробежку по набережной Дуная. Город просыпался, наводил макияж, убирая морщины-мусор из-под глаз, взбрызгивая из шлангов поливальных машин туалетной водой свое лицо. Следы вчерашней ночной жизни на лице Вены в этот ранний час были видны, как на лице хорошо покутившей дамы полусвета средних лет. Но уборочная техника, как косметика, через час приведут Вену в порядок, готовую во всей своей красе встретить новый день.

После душа и завтрака Леха отправился на вокзал. Полчаса в двухэтажном вагоне второго класса, потом еще минут двадцать на автобусе, и вот Леха в том городишке (по нашим меркам — поселке городского типа), ради которого Тарасов оплатил командировку в Австрию.

Леха долго не мог найти объект. Вроде он был в правильном месте, но где же объект. Уже подумал, не напутал ли он что-нибудь с адресом. Спросил дважды у прохожих и наконец, убедился, что действительно приехал в нужное место. Бог мой!

Леха уже имел возможность на своем опыте убедиться, что фотомодель в жизни может выглядеть неприметной замухрышкой, а на фотографиях опытного мастера бли-

стать красотой, шармом и неотразимой сексуальностью. Когда он занимался изготовлением рекламного постера немецких доводчиков для российского рынка, то вместе с фотографом приехал в агентство выбирать девушку-модель. Честно говоря, он вообще был разочарован, когда увидел живьем пять или шесть моделей, отобранных им по портфолио, а уж когда мастер затвора и вспышки предложил самую, на Лехин взгляд, страшненькую, совсем приуныл. Но уговорил себя довериться профи и не пожалел. На постере модель была соблазнительной красоткой.

Такая же история была и здесь. На фотографиях в Интернете, которые так привлекли одного питерского архитектора, делавшего проект очередного сетевого супермаркета, этот деревенский лабаз выглядел как фантастический дворец торговли из будущего.

При ближайшем рассмотрении это оказался кубик, обшитый металлическим листом в дырочку. В Интернете на фотографиях, которые Тарасов показывал Лехе, съемка делалась в темное время суток, за перфорированной обшивкой находилась подсветка, создававшая действительно фантастический эффект. Днем Леха не узнал объект и, только сверив еще раз адрес и убедившись, что в этом городишке нет другого супермаркета, заставил себя поверить, что это то самое творение архитектуры.

Честно отфотографировав здание со всех сторон, потом крупно детали примыкающих и угловых элементов, он с чувством хорошо выполненного долга вернулся в Вену.

Собственно, по центру он уже погулял, в Дунай плюнул. Надо, что ли, сходить в оперу. Вена — город Штрауса, Шумана и Моцарта. Опера — и символ, и душа Вены девятнадцатого века. Снаружи здание театра — очень симпатичная постройка Александринского с Мариинским, цвета Лувра.

Леха решил сходить на вечерний спектакль. В этот день давали оперу Вагнера «Летучий голландец». В кассе было пустынно. Пожилая кассирша объявила, что осталось несколько билетов по сто пятьдесят и двести евро. Увидев на Лехином лице отчаянную борьбу жадности и желания таки попасть в театр, она предложила билеты по разумной цене на другой день, но Леха ответил, что завтра утром улетает. Тогда она сказала, что еще есть входные билеты по два евро. И тут же увидела благостную улыбку на лице любителя оперы. Лехина рука уже нырнула в карман в поисках двухевровой монетки — такой шанс нельзя упустить, но кассирша упредила его, пояснив, что входные билеты начинают продавать за час до начала спектакля и продаются они в кассе с другой стороны театра.

До начала оперы оставалось еще больше двух часов, но Леха решил обойти театр и найти нужные кассы, чтобы потом не тратить время на поиски. Однако еще издали он увидел хвост кокетливо изгибавшейся очереди, торчащей из дверей в кассовый зал. Леха вовсе не мечтал в Вене провести два часа в очереди, но... либо мышеловка, либо сыр по сто пятьдесят евро. Как всякий жадный и любопытный, но свободный от предрассудков человек, Леха выбрал очередь.

Хвост, в который пристроился Леха, прирастал гораздо быстрее, чем у ящерицы.

Очередь представляла собой весьма интересный микст. Было много студентов-гуманитариев, в основном группками по три и более персонажей. Одеты они были пестро, вызывающе и неряшливо. Некоторые из них не желали стоять в очереди, а предпочитали в ней сидеть прямо на каменном полу и ступенях. Как раз за Лехой пристроились три итальянки-студентки. Одна была в ярко-желтых колготках. У второй на лицо свисала розовая прядь волос, а на ногах были такие ломовые ботинки, что солдатские башмаки перед ними казались чешками.

Вторая часть состояла из истинных театралов: преемники клакеров или — по футбольной терминологии — фанаты. Это были в основном женщины бальзаковского возраста и старше. Реже попадались мужчины с благородной сединой и не менее благо-

родной залысиной. Одеты они были подчеркнуто опрятно, по-театральному, но костюмы, как и их владельцы, были явно преклонных лет. Короче, Леха плохо вписывался в этот коктейль и представлялся инородной вишенкой с другого торта.

Истинные театралы, по большей части местные, обсуждали вчерашние и позавчерашние спектакли. Леха попробовал завязать разговор с двумя бальзаковскими дамами, так как незадолго до поездки в Питере ходил в Мариинку на оперу «Игрок», чем вначале вызвал интерес у театралок, который быстро угас, так как дальше поддерживать оперную тему он не мог.

Быстро насытившись изучением очереди, Леха заскучал. К тому же хотелось избавиться от рюкзака, с которым он ездил на фотосъемку, принять душ и переодеть кроссовки. Леха завел беседу с итальянками, и они охотно поддержали разговор ни о чем. А потом Леха спросил, не смогут ли они быть столь любезны, чтобы купить на него билет, если он не успеет вернуться до открытия кассы, потому что ему необходимо сходить в гостиницу. Девушки ответили «Yes», и они договорились встретиться перед входом в театр.

Леха не особо рассчитывал, что итальянки возьмут на него билет и тем более дождутся его у входа. Он вернулся минут за пятнадцать до начала спектакля, когда поток зрителей затекал в здание оперы. Он был немало удивлен, увидев в этой театральной толпе приезжающих, ожидающих, встречающихся людей студентку с розовой прядью. Обрадовавшись, что Леха наконец пришел, она быстренько всучила ему билет и сказала, что пойдет разыскивать подруг, которые уже зашли, чтобы занять места.

Еще одно удивление поджидало Леху, когда он, пройдя через фойе, зашел в партер. Центральный проход сильно расширился в дальнем от сцены конце зала, и там ровными рядами, как в балетной школе, стояли поручни. Оказалось, что это как раз и есть места за два евро, стоячие. Но чтобы не упасть от долгого стояния, а может, для того, чтобы тоже как-то упорядочить двухъевровых театралов, там располагались эти поручни. Естественно, ближние к сцене ряды поручней были уже плотно заняты, да и дальние тоже, держась за которые и не обладая ростом баскетболиста, можно было только разглядывать макушки впереди стоящих. На немногих еще свободных участках поручней висели повязанные шарфы и платки дам-театралок, которые, таким образом застолбив свое право на несколько сантиметров поручня, отошли в уборную или погулять в фойе. Сомневаюсь, что они, купив билет за два евро, позволяли себе пирожное за двенадцать. Хотя, может, ритуальное эспрессо за шесть и входило в их обязательную программу.

Поняв, что в партере ловить нечего, Леха начал восхождение на ярусы. Зал, как и в Мариинке, имел ложи бенуара, бельэтажа, первого и второго ярусов и галерку третьего. На каждом этаже на задах были места с поручнями для двухъевровых. Но опытные театралы уже оккупировали их все и, как балерины, картинно отрывая одну руку от «станка», делали ей плавное, округлое, на сколько позволяла плотность заполнения, движение, что-то рассказывая соседу. Так Леха добрался до третьего яруса, где билетерши были не столь бдительны, и решительно пошел к барьеру, заметив свободное кресло в первом ряду на третьем месте от сцены.

Вид сверху на сцену был замечательный. Даже интересно было посмотреть балетные номера с такого ракурса. Особенно запомнился танец моряков, сошедших на берег, где их ожидали верные подруги. Танец был достаточно откровенным.

Вообще, несмотря на то, что текст арий понять было невозможно, Леха получил удовольствие от музыки, балетных номеров и спецэффектов — во втором акте на сцене зажгли настоящий огонь в открывшейся в полу нише. А во время слишком затяжных арий можно было уютно отдохнуть, положив голову на барьер. Непонятно, как двухъевровые могли выстоять весь спектакль.

Клеопатра

После спектакля идти сразу в номер не хотелось. Завтра утром довольно рано на самолет. Впечатлений от Вены было уже достаточно, но не покидало ощущение, что Вена, как лесная дриада, вроде бы и не стеснясь показать все свои прелести, держала дистанцию, ускользала, не подпускала близко, продолжая манить. Пешеходную улицу, идущую от собора Святого Стефана до оперы, вместе с ее окрестностями Леха уже исходил вдоль и поперек, поэтому он пошел в противоположную сторону от Дуная, удаляясь от центра. На перекрестках хаотично сворачивал направо или налево, словно споря с Веной, кто кого запутает, пройдя через небольшой пустынный в это время парк, наткнулся на банный комплекс и решил зайти. Оказалось, что до закрытия чуть больше часа и можно еще купить билет, если поторопиться. Заплатив в десять раз больше, чем за оперу, Леха попал в венскую баню.

Как и в Германии, здесь было полное равенство полов — и мужчины вперемежку с женщинами, завернутые в простыни, по textile, переходили от сауны к сауне, повышая градус. Парные семидесяти-, девяносто- и стодесятиградусные. Как настоящий русский человек, не привыкший размениваться по мелочам, Леха сразу пошел в самую жаркую. Так как время шло к закрытию, немногочисленные посетители потихоньку расходились.

Погревшись от души, Леха поплавал в бассейне и уже скорее ознакомительно стал заходить в разные парилки. Долго не задерживаясь. Зашел в очередную. Там на верхней скамье возлежала... Клеопатра. Леха сразу так окрестил ее про себя, потому что, когда он зашел, эта черноволосая женщина со смуглой кожей мягко, по-кошачьи плавно гладила свое тело, стирая мелкие пупырышки влаги с безупречно гладкой кожи, которые, как грибы после дождя, появлялись вновь, давая постоянное поле для деятельности ее ладоням. Больше в парной никого не было. Леха сел на верхнюю скамью около камней, чтобы боковым зрением можно было наблюдать за магией круговращения воды на теле Клеопатры. Брюнетка продолжала автомассаж, поглаживая руки, плечи, бока, живот, груди.

Время потекло, как песок в песочных часах, медленно и бесконечно.

Открылась дверь, в парную зашла молодая парочка. Они сели напротив Лехи, держась за руки. Тут только Леха сообразил, что наблюдения за Клеопатрой привели к естественным изменениям в области паха. Пытаясь изобразить футболиста в стенке, он только привлек внимание парочки. Девушка что-то шепнула на ухо спутнику, и они вышли.

Клеопатра села, и ее ладони, как опытные серфингисты, заскользили по бедрам, взбираясь на гребни-колени и устремляясь вниз к идеальной формы щиколоткам, вокруг одной из которых обвилась золотая цепочка с сердечком, в на второй красовалась аккуратная накладка в виде такой же цепи, но с якорем.

Совершив еще несколько заездов от бедра к ступне, Клеопатра, будто обняв невидимку и постепенно удушая невидимого визама, стала пытаться гладить свои плечи и шею. Леха, повернувшись вполоборота, не мог себя заставить отвлечься от этого шоу. И тут, возможно, это ему показалось, но ее указательный палец стал делать подманивающее движение, и Клеопатра, повернув голову, впервые посмотрела Лехе в глаза.

— Can I help you? (могу ли я вам помочь?) — услышал Леха свой голос. Наверное, так же люди слышат себя как бы со стороны, находясь под гипнозом.

Она не ответила, но повернула к Лехе спину, покрытую мелкими каплями-пупырышками. Как крыса на звук дудочки, Леха, согнувшись в три погибели, чтобы скрыть

выступающий элемент, перебрался поближе к Клеопатре и принялся старательно разгонять по коже капельки. На правой лопатке пристроилась маленькая бабочка, и Леха аккуратно, боясь вспугнуть, обходил татуировку. А потом только подушечкой указательного пальца нежно разгладил ей крылышки.

Клеопатра слегка вздрогнула, развернулась и с обезоруживающей улыбкой сказала:

— Vielen Dank. Spat. Ich muss gehen (спасибо. Уже поздно. Пора уходить).

— May be a cup of tea? Oh, sorry. Vielleicht... eine... Tasse Tee? (может быть, чашку чая?) — Леха с трудом выдал немецкий вариант приглашения.

— Ok. And we can speak English. I'm from Hungary (хорошо. И мы можем общаться по-английски. Я родом из Венгрии).

Клеопатра оказалась Ребеккой. Завернувшись в простыни, они поднялись в бар, из которого открывался вид на весь комплекс. Недовольно взглянув на часы, бармен все же не посмел отказать Клеопатре и выдал из холодильника две приталенные бутылки пива «Zipfer».

За пивом Леха узнал, что Ребекка в Вене третий год, и кратенько рассказал о черном спектакле и о том, как туда попал. Она не была в опере ни разу.

Они по-европейски расплатились каждый за себя и разошлись по раздевалкам. Леха по-армейски быстро оделся и выскочил к выходу, чтобы не упустить Ребекку.

Потом долго и томительно ждал, так что уже решил, что все же опоздал.

Но вот появилась Клеопатра, в джинсах и кожаной короткой курточке. Она приветливо улыбнулась, и они по дороге к автобусной остановке продолжили разговор, начатый в баре. Общались легко и непринужденно. Леха шутил, она улыбалась. Куда их вез автобус, Леха уже не разбирал.

Когда в автобусе оставались еще одна пара и скинхед, они вышли: Леха первый и галантно подал ей руку. Клеопатра положила кончики пальцев на протянутую ладонь.

— Ну, здесь я живу. А вон там, видишь, на той стороне остановка. Еще должен быть один автобус сегодня. Спасибо. Было приятно с тобой пообщаться.

Но Леха никак не мог разжать ладонь, в которую заграбастал ее пальцы. Она попробовала освободить руку.

— Ну же, пусти.

Леха не отпускал. Клеопатра царственно улыбнулась, свободной рукой обхватила его за шею и, слегка притянув, чмокнула в щеку, усыпляя на какой-то миг бдительность охотника. Трюк сработал, ей удалось высвободить руку. И она быстрым шагом направилась по пустынной улице к многоэтажному дому.

Леха, как в детстве, когда гонялся на даче с сачком за бабочками, испытал ту же перемену чувств, когда после того как уже удалось накрыть на цветке крылатую красавицу, начинаешь переворачивать сачок, и... раз — она вновь упорхнула.

Он смотрел вслед быстро удалявшейся Клеопатре. Несмотря на то, что она явно старалась идти как можно быстрее, природный инстинкт задавал бедрам и ягодицам завораживающе сексапильную амплитуду. Она еще раз обернулась, махнула Лехе рукой и скрылась за углом дома.

Леха ощупал щеку, к которой еще недавно прикоснулись царственные губы, и вдруг, словно очнувшись, бросился вдогонку. Установив новый личный рекорд в беге за короткими юбками, Леха очутился у угла дома и увидел, как в ближайшую дверь заходит Ребекка. Многоборье продолжается — теперь тройной прыжок, и Леха успевает схватиться за ручку за мгновение до того, как защелкнулся бы замок, и распахивает дверь. Ребекка, услышав шум, оборачивается. Она на один пролет выше. Видит Леху и уже чисто по-спортивному бросается вверх по лестнице. Леха, не задумываясь, бежит за ней. Преодолев два пролета, он видит, как Ребекка на площадке второго этажа открывает дверь. Кажется, это прыжки в высоту, а может, в длину. Нужен новый рекорд.

Ребекка открывает дверь, бросается в квартиру, и... Леха в последнее мгновение успевает всунуть ступню, как лыжник на финише, вытягивая вперед ногу, чтобы обойти соперника.

Массивная дверь сдавливает ботинок, но Леха не чувствует боль. Непродолжительная борьба, и Леха оказывается в темной прихожей. Захлопывается за спиной дверь. Какое-то время темнота и тишина вступают в единоборство, кто из них продержится дольше.

К Лехе медленно возвращается разум, и он понимает, что переступил не только порог, но и черту.

Темнота проигрывает единоборство — Ребекка нащупывает выключатель. Увидев Лехино растерянное лицо, она снова становится Клеопатрой.

— Ну что ж, проходи.

Проходить особенно некуда. Из небольшой прихожей дверь направо ведет в кухню, слева, видимо, санузел и прямо по курсу — спальня.

— Извини... я не знаю, что на меня нашло. Я... просто не смог... вот так вот... вдруг раз и навсегда тебя потерять...

Клеопатра грациозно наклонилась, расстегивая молнию на сапоге и, как там, в парной, едва уловимым жестом пальца призвала Леху на помощь. И опять он послушно помог ей, теперь стягивая с нее сапоги. Прямо ирония судьбы какая-то и, кстати, с легким паром.

Леха разулся, и она кивком показала ему на одноразовые тапочки.

Клеопатра зажгла везде свет. В спальне большая кинг-сайз кровать, видимо наспех, немного неровно накрытая одеялом. Шкаф, тумбочка, кресло, трюмо. Клеопатра подошла к трюмо, выдвинула ящичек и что-то взяла оттуда.

«Интересно, что она там взяла? Что-то небольшое. Помаду? Пудреницу? Может, трусики?»

— Садись. Я сейчас заварю чай.

Леха повиновался и сел в кресло. Клеопатра подошла к двери.

— А можно кофе... по-венски?

Он вдруг вспомнил, что за эти два дня так и не попробовал в Вене кофе по-венски. Напряжение само собой куда-то улетучилось. Стало хорошо и спокойно. «Все-таки, я отведаю сегодня свежей поросятинки», — невольно вспомнилась Лехе фраза незадачливого волка из любимой в детстве сказки про трех поросят.

— Ок. Можешь пока посмотреть фотографии... — На трюмо лежал альбом.

Леха отвернулся от двери и послушно потянулся за альбомом.

«Наф-наф со словами:

— Милости прошу, — быстро сдернул крышку с котла, и волк плюхнулся в кипяток».

В это мгновение Клеопатра быстро захлопнула дверь в спальню и повернула в замке ключ...

«Она взяла из трюмо ключ», — мелькнула запоздалая догадка.

— Эй! Что это значит? — Леха подскочил к запертой двери и бесполезно подергал за ручку.

Клеопатра не удостоила пленника ответом.

Соорудив на двух чужестранных языках фразу, как Киса Воробьянинов, Леха несколько раз прокричал ее в запертую дверь:

— Послушай. Ты такая прекрасная. Я потерял голову. Почему ты так жестока со мной?

А в ответ тишина. Леха побарабанил в дверь кулаком, пнул ее ногой и тут же ощутил резкую боль в правой ступне — борьба с входной дверью не прошла даром. Леха почти упал в кресло.

Услышал голос Ребекки. Обрадовался, как ребенок.

— Говори громче, не понимаю, что ты говоришь, — прокричал он.

Через несколько секунд до Лехи дошло, что она разговаривает не с ним. Ребекка по-немецки говорила по телефону. Он стал вслушиваться, но улавливал лишь отдельные слова. Отчетливо несколько раз услышал слово «полиция». По интонациям разговора было ясно, что Клеопатра разговаривала с каким-то знакомым и близким ей человеком. «Может, мама? Бой-френд? Брат?» Что вообще Леха знал о ней?

Явно она с кем-то советовалась, описывая ситуацию, в которую попала. Леха ощутил в своей душе зарождение стокгольмского синдрома. Впрочем, и до захвата она ему нравилась. И вообще непонятно, кто в данной ситуации жертва, а кто террорист-насилник.

Леха взял альбом и начал его листать.

Ребекка на скамейке в каком-то парке, под ногами осенний ковер из разноцветных листьев. Вот она подбросила вверх охапку, и листья, падая, создают полупрозрачную занавесь.

А вот здесь летние сюжеты на морском берегу. Вот она в волнах прибоя. А здесь, видимо, ее подруга — блондинка. Леха не без удовольствия отметил, что отдыхает именно с подругой, а не с бой-френдом. Еще фото той же блондинки. Подруга явно проигрывает Клеопатре. Тяжеловесные скулы и большой нос делают лицо лошадиным, но породистым. И в фигуре сквозит что-то мужское. Ноги крепкие, мускулистые, плечи широкие, талия и бедра почти вровень.

Вот они вместе, взявшись за руки. Опять они же, обнявшись за талии. А вот они... целуются. «Нет, вот черт...» Леха захлопнул альбом, вернул его на трюмо и тут увидел фотографию лошадиноподобной блондинки на зеркале, подsunутую под раму.

За стеной Ребекка говорила уже совершенно с другой интонацией. В прошлый раз она, видимо, советовалась со своей подругой-любвицей, а теперь говорила более четко, сухо и официально.

«Она звонит в полицию. Догадался Пятачок. Этого еще не хватало. Герой-любвник, блин, проник в дом добропорядочной лесбиянки. Нет, это нам совсем ни к чему».

Леха, сильно припадая на левую, подошел к окну. Попробовал открыть окно — не поддается.

«Вот черт!» В голову полезли разнообразные сюжеты из триллеров. «Они вампириши. Она специально заманивает мужчин и запирает. А вдруг она не в полицию звонила. Точно! Они с этой блондинкой-кобылкой продают своих жертв на органы. А кровушкой тоже лакомятся. Тут и бизнес, и удовольствие».

Еще раз попробовал открыть окно. «Уф. Слава богу, открылось. В первый раз сдурю не в ту сторону пытался повернуть ручку».

Распахнул окно. Где-то вдалеке квакала сирена. «Неужели уже едут брать венского маньяка?»

Лехе повезло, что на окне первого этажа под ним была решетка. По горизонтальным прутьям спустился, как по лестнице, даже прыгать не пришлось, а то с большой ногой это было бы жестко.

Леха последний раз оглянулся на мышеловку, из которой ему удалось выбраться, и, пробурчав под нос: «На-кася выкуси, нас голыми руками не возьмешь», — заковылял к дороге.

Когда он добрался до улицы, к остановке как раз подъезжал тот самый последний автобус. Леха чуть поднажал и запрыгнул на подножку. В автобусе было три человека. Хмурый мужчина, сидевший лицом к двери, глянул на Леху, и лицо его стало чуть менее угрюмым. Тут Леха вспомнил, что оставил в мышеловке свои штиблеты. «Ладно, пусть подавятся». В номере у него были еще кроссовки.

«Но интересно, что подумал этот суровый австриец: «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной» — или что муж вернулся не вовремя из командировки?»

Утром Леха приехал в аэропорт впритык по времени. Но все же после регистрации зашел в кофейню.

— Coffee à la Vienne, bitter (кофе по-венски, пожалуйста).

Чернокожая официантка не поняла и переспросила:

— Carruccino, americano, espresso?

Леха усмехнулся, взял капучино и уже по-русски с улыбкой сказал:

— Ладно, по-венски я в Питере в «Сладкоежке» выпью.

Девушка улыбнулась, ни слова не поняв.

МИЛИЦИЯ

— Милиция! Милиция!

С тех пор как Милу уволили из строительной фирмы, где она работала администратором офиса, она просыпалась не раньше полудня.

— Милиция!

Лето выдалось теплым, и Мила держала окно открытым. Крик, доносившийся из двора, проникал сквозь толщу одеяла и не давал насладиться утренним сном.

— Милиция! Милиция!

Мила вылезла из-под одеяла. На ней была только футболка, едва прикрывавшая те места, которые не принято выставлять на всеобщее обозрение. Она подошла к окну с тем, чтобы закрыть его. Посреди пустого двора-колодца стоял молодой мужчина и, сложив у рта ладони рупором, периодически взывал к органу правопорядка. Мила задержалась у окна, ей стало любопытно. Мужчина, поворачиваясь вокруг своей оси, внимательно оглядывал окна дома. Из окна напротив на втором этаже уже смотрела какая-то старушка, а на третьем этаже левее дергалась занавеска, и можно было догадаться, что кто-то, пытаясь сохранить свое инкогнито, выглядывает во двор.

Мила снимала здесь комнату недавно и почти не знала жильцов дома. Было одиннадцать часов, вторник, и большая их часть, занятая полезным трудом, конечно, отсутствовала. Меж тем мужчина продолжал взывать к милиции, хотя никаких признаков правонарушения заметно не было.

Вдруг мужчина, увидев в окне Милу, приветливо замахал ей рукой. Мила, решив, что это кто-то из соседей, на всякий случай тоже подняла приветственно руку. Ее короткая футболка при этом тоже приподнялась выше допустимого уровня, перестав выполнять важную социально значимую функцию. Догадавшись об этом конфузе по изменившемуся взгляду мужчины, Мила быстро закрыла окно и отошла в глубь комнаты.

Через две минуты раздался звонок в дверь. Мила накинула халат и вышла в длинный узкий коридор коммунальной квартиры. Кроме нее в этот час некому было выполнить почетную обязанность и открыть входную дверь. На пороге стоял тот самый возмутитель спокойствия, которого Мила видела из окна.

— Ну, вот я и нашел вас, Милиция! — широко улыбаясь, проговорил молодой человек.

Мила пыталась вспомнить. Что-то смутно знакомое было в лице этого симпатичного молодого человека. Заметив Милину растерянность, молодой человек, наигранно преувеличивая разочарование, сказал:

— Недаром говорят, что девичья память короткая. А ведь не далее как позавчера вы позволили мне поцеловать вас... правда, только в щечку.

Мила стойко держала паузу согласно рекомендации великого английского драматурга.

— Я подвез вас в воскресенье вечером. Либо вы запутались в цифрах, либо я от волнения неправильно записал ваш телефон. Но после того как я второй раз отважился спросить Милицию Андреевну по этому номеру, мне пригрозили вашей тезкой с маленькой буквы.

С трудом уловив смысл этой витиеватой фразы, Мила, однако, вспомнила бомбилу, который подвозил ее домой в воскресенье вечером после встречи с подружками и который, явно запав на нее по дороге, вместо причитавшейся пятихатки получил разрешение прижаться губами к ее щеке и телефон из семи названных наугад цифр.

Мила хотела уже захлопнуть дверь, но молодой человек, явно готовый к такому обороту, проворно подставил ногу, а затем с силой распахнул ее. Мила отступила, и мужчина вошел в квартиру.

— Сколько я вам должна?

— Верните мне поцелуй, — с этими словами молодой человек подставил щеку, показывая пальцем место для поцелуя, а другой рукой вынул из-за пазухи небольшой букетик фиалок. — Если мне удалось вас найти, значит, небесам это было угодно.

«А ведь не забыл назавтра после нечаянной встречи. Не поленился. Нашел. И эта слегка небритая щека, переходящая в волевой подбородок. Пальцы — длинные и тонкие, но ладонь широкая и крепкая».

— Вообще-то, меня зовут Милица... или лучше — Мила. А вас... Не помню... Но вы говорили, что ваша фамилия Осетров и с детства за вами тянется кличка — Ося.

Уголки Осиных губ чуть-чуть раздвинулись в улыбке, но пальцем он продолжал настойчиво постукивать по выпяченной вперед щеке. Мила сделала шаг и, привстав на цыпочки, потянулась губами к его щеке. Неожиданно он сделал резкое движение головой и поймал своим ртом ее губы. Мила попыталась отпрянуть. Но Ося крепко прижал ее, обхватив рукой талию. Мила посопротивлялась немного для порядка, упираясь кулачками в его грудь и пытаясь колошматить по ней, а потом уступила под натиском сильных рук, мягких и вкусных губ и крепкого, но приятно обволакивающего запаха мужского одеколona.

Неожиданно Ося ощутил острую боль в затылке. От удара тупым тяжелым предметом. Он разжал объятия, прислонился к стене, схватившись рукой за затылок, и осел по стене на пол, оставляя на обоях в коридоре красный след.

— И неча милицию кличить, девка. Енти аспиды, только с честными пенсионерами и могут воевать в переходах. Мы тута сами и милиция, и божий суд, — провозгласила Серафима Яковлевна, соседка Милы, вышедшая на подмогу и незаметно подкравшавшая к Осе со спины. В руке она сжимала деревянный молоток для отбивки мяса.

— Ой, что с ним! Что вы наделали, ведьма старая! — крикнула Мила, садясь на колени перед Осей. — Ося! Ося, что с тобой?

Мила обхватила руками голову Оси, ставшую минуту назад вдруг такой родной и близкой, и прижала к груди.

— Тьфу, окаянные, — в сердцах сплюнула Серафима Яковлевна, — чтоб вам в аду пылать синим пламенем! То «милиция» орут во всю глотку, то оскорбляют почем зря! Ни сна, ни отдыха!

* * *

— Михалыч, привет! Ой, что это у тебя с кобурой?!

Михалыч, охранник в хранилище банка, непроизвольно схватился за кобуру.

— Да шучу я, шучу. Все у тебя на месте, — хохотнув, успокоил Михалыча Ося.

Ося вместе с сотрудницей банка подошли к ячейке. Каждый повернул свой ключ в замке.

— Когда закончите, позвоните, — с дежурной улыбкой сказала работница банка и вышла из хранилища.

Ося открыл дверцу и выдвинул ящичек. Из портфеля он стал доставать пачки и перекладывать в ящичек. Затем принялся за подсчеты, записывая цифры на бумажку. Закончив, он удовлетворенно крикнул, взял из ящичка увесистую пачку, записал на бумажку еще одну цифру и нажал звонок, вызывая сотрудницу банка.

Ося проехал метров сто по Невскому, свернул на Казанскую и, запарковав среди солидных «меринов», задиристых «бомб» и вальяжных «Bentley» свой старенький раздолбаный «Kadet», поднялся наверх в ресторан «Terassa». Он быстро отыскал глазами за столиком в углу Милу. Она сидела, увлеченно читая меню. Прядь каштановых волос то и дело опускалась на лицо, и она заправляла ее за ухо. Ося почувствовал, как учащенно забилося сердце, и подумал, что и теперь, спустя пять лет, она волнует его не меньше, чем в тот вечер, когда он подвозил ее, слегка разгоряченную вином, до дома на все том же «кадете». «Теперь все. Теперь все будет по-другому, все будет по-новому!»

— Все, милая! За новую жизнь! Мы сделали это. Мы достигли поставленной цели. За тебя. За то, что ты стойко держалась все эти пять лет. Я не знаю другой женщины, которая бы не устроила скандал, не ныла и не капризничала, терпеливо идя со мной к этому дню. У нас достаточно денег для безбедной жизни! Поздравляю! Конец всем ограничениям. Можем хоть сейчас пойти и закупить все наряды, которые есть на телках в этом зале. Все эти клячи не стоят ноготка на мизинчике твоей левой ноги.

— Ох-ох-ох! Какие речи. Просто за нас, дурачок, — и она, притянув за уши его голову, покрытую густой шевелюрой русого цвета с легкой, едва различимой лишь вблизи, начинающей проступать сединой чмокнула его сначала в нос, а потом прильнула губами к его губам.

— Давай махнем на Карибы. Завтра.

— Ты же знаешь, что я нигде не была, и для меня что Карибы, что Турция — будет все едино. Но если на Карибы, то, может, в Канкун.

— В Мексику нужна виза. Я не хочу больше ждать. Хочу лететь завтра же. Мы летим к старине Чавесу в Венесуэлу! Нет возражений.

— Какой смысл возражать, все равно я завтра обнаружу себя в кресле самолета.

Ан нет! Не довелось им оказаться в самолете на следующий день.

Ося купил билеты на Luftgansa стыковочным рейсом через Франкфурт тем же вечером. Они вернулись в ту самую коммуналку, в которой Серафима Яковлевна поспособствовала их сближению пять лет назад. Тогда, после рокового удара молоточком, Ося не стал возвращаться в свою семью, оставив там все, включая пресловутые тапочки и зубную щетку. Теперь им предстояла последняя ночь в коммуналке. После возвращения в Питер из Венесуэлы они проживут в «Астории», или «Амбасадор», или другой роскошной гостинице ровно столько, сколько потребует для того, чтобы определиться, куда отправиться дальше. В Питере оставаться они не собирались. И климат сырой, болезнетворный, да и небезопасно это. Надо уметь вовремя остановиться. Профессионального игрока отличает от новичка-любителя то, что он умеет вовремя уйти. Завтра они навсегда уйдут из этой квартиры, из этого дома, из этого двора, в котором Ося орал пять лет назад: «Милиция!»

— Милиция! Милиция!

Ося и Мила проснулись и, как по команде, сели в кровати, словно ваньки-встаньки. В комнате было темно. Вдруг будто прожектор выхватил из темноты кусок пространства, и метрах в трех от себя они увидели мента. Это был очень странный мент, точнее сказать, это был человек в милицейской форме, старый, сгорбленный, опирающийся

ся на палку, с седыми космами жидких волос, торчащих из-под фуражки. А еще точнее — это была старушка, и в тот самый момент, как Мила с Осей едва не вскрикнули, узнав ее, прожектор переместил свой луч, оставив старушку-мента в темноте. Теперь в свете прожектора очутилась другая старуха в мундире полковника милиции.

— Петровна, — прошептала Мила, и тотчас эту старуху сменила следующая необычная старушка.

Теперь комната осветилась, и перед Милой и Осей предстал наряд милиции, состоящий из трех немощных старух: Анны Израилевны, Петровны и бабы Маруси. Они медленной шаркающей походкой приближались к кровати. Петровна, дошаркав до журнального столика, стоявшего у изголовья, взяла трясущейся рукой билеты на самолет и прокашляла:

— Драпать собрались, паскудники!

— Ой, как не симпатифно. Куда ф это они? — шамкнула беззубым ртом баба Маруся.

— Дело молодое, — недобро хихикнула Анна Израилевна.

Ося вскочил и протянул руку за билетами. Петровна довольно проворно потянула билет к себе. Когда Ося попытался схватить ее руку, она палкой, на которую опиралась, преобольно стукнула его по пальцам правой ноги. Ося вскрикнул и оттолкнул Петровну. Но ветхая старушка вместо того, чтобы упасть и рассыпаться в прах, прогнулась, как мультяшная героиня, и, отпружинив назад, толкнула Осю на кровать. Старушки продолжили наступление, протягивая костлявые руки к Осе и потрясая своими палками. Все три старушки были мертвенно-бледны, их глаза поблескивали красным цветом, и они что-то шипели и шепелявили, обступая Осю с Милой. Ося еще раз попытался оказать «ментам» сопротивление, но все безрезультатно. Либо его кулак проходил насквозь милицейскую форму, как будто это было бестелесное изображение. Либо тела бабулек упруго пружинили и наносили ответный удар, причем весьма ощутимый. Вдруг за дверью громко мявкнул кот Серафимы Яковлевны, и старушки-милиционерши, явно заволновавшись, исчезли, словно их и не было.

Проснулись Мила и Ося одновременно поздним утром, когда серый осенний питерский свет заполнил их комнату сквозь давно не мытое окно. Ося с трудом разлепил веки, голова побаливала. Что и неудивительно после того, как они вчера отметили начало новой жизни, предаваясь разнообразным греховным земным удовольствиям. «Венесуэла», — вспомнил Ося. «Самолет. Билеты», — выстроилась логическая цепочка. Посмотрел на журнальный столик — билетов нет. Быстро вскочил с кровати.

— Мила! Черт, где билеты?

Билеты обнаружили слегка помятые, с оторванным уголком на полу.

— Кто их так жевал?

В щель сквозь неплотно прикрытую дверь просунулась голова Степан Степаныча.

— Тьфу, черт, напугал, рыжий разбойник, — с облечением вздохнул Ося.

— Ну, все хорошо, милый? — спросила, высунувшись из-под одеяла и потягиваясь, Мила.

— Да, нормально все. Дверь на ночь не закрыли — Степаныч к нам в гости заходил и нашалил.

Кот Серафимы Яковлевны в подтверждение Осиных слов потерся ухом о дверной косяк и удалился.

— Однако мы и спать. Пора в дорогу. Вставайте, граф, точнее, графиня, нас ждут великие дела.

Наскоро приняв душ и побросав в сумку только самое-самое: «Все остальное купим — в новую жизнь с новыми вещами», они вышли на лестницу. Надо было топиться в аэропорт. Сбегая по замызанной лестнице, привычно, боковым взглядом скользнул по надписи на стене на третьем: «Жека+Пусик= ∞ ». Между третьим и вто-

рым напоследок остановил взгляд на большом пятне облупившейся штукатурки, очень похожем на Мефистофеля в профиль.

— Прощай, Вельзевул, — весело сказал Ося и поскакал вприпрыжку дальше вниз по лестнице.

Задумавшись о прекрасном будущем, которое уже почти наступило, Ося не сразу заметил, что все бежит и бежит по лестнице, поворачивая на площадках, а выхода нет.

— Ося! Что случилось? — вывела его из задумчивости Мила. — Где выход? Я ничего не понимаю.

Ося остановился и увидел, что прямо на него смотрит со стены Мефистофель, с которым он недавно попрощался.

— Извини, задумался. Столько раз проходил мимо этого пятна. Ты не замечала, что оно очень напоминает Мефисто?

— Какой Мефисто? Мы уже, как минимум, третий раз мимо него проходим. Я сейчас с ума сойду. Что случилось?

Перекинув через плечо сумку, Ося устремился вниз, но скоро обнаружил, что снова пробегает мимо Жеки и Пусика. Потом — Мефистофель. Опять Жека. Мефисто. Жека и Пусик. Подумалось: «Воистину бесконечные».

— Все — стоп! Идем вверх.

Они повернули обратно и вскоре очутились у двери своей квартиры.

— Пойдем еще раз. Спокойно. Тихонечко. Вот — надпись. Вот — пятно. Сейчас повернем на площадке и увидим дверь. Это был глюк.

Они повернули и вместо двери увидели все тех же, вписавших себя в вечность Жеку и Пусика.

— Нет никакой двери! Мне страшно, Осечка.

— Я в детстве читал один из ранних рассказов Житинского, он, кажется, назывался «Лестница». Там с главным героем происходила такая же чертовщина.

— И что он сделал? Чем все закончилось? Наверняка он как-то разрешил эту проблему.

— Вроде бы решил. Но я не помню ничего, кроме того, что лестница у него была бесконечная.

По лестнице спускалась женщина. Ося с Милой пошли за ней. Когда женщина свернула на последний лестничный пролет перед дверью, она исчезла, будто растворилась, а Ося и Мила опять очутились возле надписи про Жеку.

— Значит, лестница не выпускает только нас? — обреченно сказала Мила.

— Здравствуйте, — крикнул им мальчик, пробегая вниз по лестнице.

Ося в два прыжка, догнав мальчика, схватил его за руку.

— Привет, привет. Куда собрался? — бодро спросил Ося, не выпуская руку мальчика.

— Отпустите. Вы чего? — возмутился мальчишка.

— Я линзы забыл. Боюсь оступиться, — соврал Ося. — Не возражаешь, если я за тебя подержусь.

Когда они добрались до заветного поворота, со двора раздался крик:

— Михан, ну ты идешь?

Мальчишка дернул руку и побежал вниз:

— Дальше по прямой, не оступитесь...

А Ося опять очутился у злополучной надписи. Они попробовали через чердак перейти на другую лестницу. Но другая лестница вела себя ничуть не лучше первой. Она не давала им выйти на улицу.

— Чертовщина, ловушка! Ущипни меня! Я, наверное, сплю!

И тут он вспомнил кошмар со старухами-милиционершами.

— Мне сегодня снились ОНИ!

— Наши старухи? — переспросила Мила и вдруг вскрикнула: — Мне тоже! Да еще в милицейской форме. Ужас!

— А может, это был не сон?!

Перебивая друг друга, они рассказали один и тот же ночной кошмар.

— Не могу поверить! Никогда не верила в это. Но нас сглазили, заколдовали или еще черт знает что! — воскликнула Мила.

— Ведьмы? — задумчиво проговорил Ося. — Но не могут же они все быть нечестью. По теории вероятности не канает. А кто-то одна из троих вполне могла оказаться ведьмой. Причем скрытой. Ведьмовское начало проявляется только после смерти.

— Но ведь ночью они втроем приперлись?

— Я думаю, она использовала образы двух остальных. Она была одна, просто предстала в виде трех фигур. Это же не человек. Может предстать хоть слоном, хоть табуреткой, хоть в виде трех старух. Главное — понять, кто же из них ведьма.

— А как же мы это поймем?

— Давай вспомним все и попробуем рассуждать логически.

* * *

После того как сын Анны Израилевны уехал искать лучшей жизни на Земле Обетованной, вскоре умер муж, и она осталась одна в шикарной трешке на Садовой. Еще через несколько лет пришло известие о том, что, попав в израильскую армию, ее сын пропал без вести во время одного из боев с палестинцами. Анна Израилевна была уже в глубоких летах, а после этого известия в одну ночь превратилась в дряхлую старуху. Маленький тромб в кровеносном сосуде, питающем глазное яблоко, некстати закупорил его, и через несколько часов перед глазами у нее стояло большое черное пятно. Анна Израилевна, и так носившая очки с толстыми линзами после микроинсульта, совсем почти перестала что-либо видеть. Этот мир потерял для нее свои краски и смысл существования. А еще через некоторое время в ее квартире раздался редкий звонок.

Родственников у нее не было, а друзей в Питере тоже не осталось. Кто это мог быть? Она открыла. Размытые контуры мужской фигуры. Он сказал, что он Ленька, ее сын, и обнял. Анна Израилевна сразу поверила, потому что в самой-самой глубине души теплилась надежда. Он явно изменился. Про внешность Анне Израилевне было судить трудно, она очень плохо видела. Нет, он изменился по манере поведения. Но ведь он долго жил в другой стране, на его долю выпали испытания.

Он сказал, что будет жить отдельно вместе со своей, как он выразился, подругой, но навещать будет часто. И действительно, они вместе приходили не реже раза в неделю, приносили продукты, делали уборку в квартире. Потом он спросил очень осторожно, не смогла бы она переписать на него квартиру, чтобы потом, конечно, в очень отдаленном будущем, не мучиться с наследованием. Она тоже чувствовала, что, несмотря на возвращение сына, здоровье ее угасало. Потом приезжал нотариус, что-то спрашивал, но Анна Израилевна мало придавала этому значения — поставила подписи, где велели, да и бог с ним. Через два месяца она умерла.

В молодости Петровна совершила большой грех. Да какая там молодость — уж тридцать ей было. Родила и отказалась от сына. Очень уж тогда она ненавидела отца этого ребеночка, который обманул все ее надежды. Обманул грубо, жестоко и без всякого на то повода. Взяла да и написала отказ — не могла она тогда видеть это красное сморщенное подобие своего обидчика.

Позднее вышла замуж за богатого. Старше ее почти на двадцать лет. Несмотря на разницу в возрасте, прожили долго — чуток не дотянули до серебряной свадьбы. Мужу только-только исполнилось восемьдесят, и он умер. Детей не было. Родственников тоже. Поначалу она еще перезванивалась с какими-то знакомыми мужа, а потом все как-то растворилось.

После мужа Петровне достались хорошая в ближнем пригороде дача и квартира на Петроградке в доме Бенуа. Сыночка своего она никогда не искала. Страшно было. И вдруг, он сам нашел ее. Смятение... испуг... радость. Симпатичный мужчина. Всплакнула. И он посмотрел на нее долгим пристальным взглядом. А потом простил. Стал навещать. Угощения разные приносить. Жену свою, красивую и милую женщину, привел. Стало только что-то здоровье до недавних пор, тьфу-тьфу, несмотря на возраст, довольно крепкое, пошаливать. Аппетит пропал, желудок стал плохо работать. Зашел как-то разговор о квартире и даче, и невзначай так получилось, что вроде как она и сама предложила переписать имущество на своего отказного сына. Оформили, а через три месяца Петровны не стало.

Баба Маруся, точнее говоря, тогда еще Маруська, деревенская девчонка, поступила на службу к полковнику. Полковник был хватом. По карьерной военной лестнице пер вверх как танк, снося все на своем пути. Мужик был настоящий: суровый, крутого нрава. Что хотел, то обязательно брал. Женат был. Когда жена родила второго ребенка, взял ей в помощницы, в няни, в домработницы Маруську. Поначалу поехала она с ними по гарнизонам. Но скоро хозяин ее стал генералом и осел в Питере в роскошной пятикомнатной квартире да еще с маленькой комнатушкой для прислуги. Потом и дом загородный себе отстроил.

Далеко не сразу, лет десять уж Маруська у них проработала, захотел генерал ее. Захотел и взял, а она и рада была. Да только забеременела. Боялась, долго не говорила, до четырех месяцев ничего у нее и заметно не было. Даже жена не догадывалась. Потом генерал как-то повторить захотел — тут-то она ему и призналась. Генерал подумал и решил так. За какую-нибудь Марускину оплошность осерчает да выгонит ее. А на деле квартиру ей снимет, пусть родит, но если хочет возвращаться, ребеночка пусть сдаст в детдом, а после этого пусть приходит и умоляет взять обратно. Он смилостивится и возьмет. Так и сделали. Жена просила за Марусеньку, даже скандал устроила, но генерал был крутого нрава, и перечить ему бесполезно. А через полгода Маруся вернулась к ним, как и было задумано.

Потом удачливого генерала настигло-таки несчастье: вся его семья — жена, дети и теща в придачу — погибла в автомобильной аварии. Сам генерал был детдомовский. Единственный человек, утешивший его в этом горе, была Маруся. Вскоре генерал вышел в отставку, прожил еще с Марусей пять лет и умер как настоящий мужчина в жарких объятиях любимой женщины.

Как человек предусмотрительный, оказалось, что все свое имущество он завещал Марусе, прожившей в его семье без малого тридцать лет. Судьбой своего сына Маруся тишком интересовалась, пока он жил в детдоме. Но когда его взяла к себе бездетная семья, пожелавшая, чтобы родная мать никогда не лезла в судьбу оставленного сына, Марусе пришлось подчиниться. Когда на закате лет у нее появился высокий красивый мужчина с русыми волосами и едва заметной при ближайшем рассмотрении проседью и назвался сыном, она чуть в обморок не упала. Радость была, слезы. Предлагала жить в ее огромной квартире. Но сын отказался. Тем не менее стал регулярно навещать, иногда вместе, как он сказал, с гражданской женой, красивой, приятной в общении женщиной. Баба Маруся, уж и не зная, чем искупить свою вину перед сыном,

вскоре предложила переписать квартиру и дом на него. Ведь немолодая уже, все под Богом ходим. Да и здоровье что-то перестало радовать. Оформили, а через четыре месяца она отдала Богу душу.

* * *

За давно не мытым окном природа сменяла по кругу времена года. Серафима Яковлевна, сердобольная старушка, приносила Миле и Осе чего-нибудь поесть. Но они перестали ощущать вкус пищи. Закидывали в рот, как дрова в топку.

Поначалу они пробовали бороться с заклятием. Пытались выбраться через окно. Даже выпрыгнуть попробовали, но невидимый батут вернул их обратно.

Испытывали разные заговоры и заклинания. Нашли в туалете оставленный кем-то из соседей журнальчик про ведьм и прочую нечесть. До дыр зачитали, но... ничего не менялось. После каждого очередного заговора Ося бодро бежал на лестницу, но лишь наматывал бесполезные круги. Вошло в привычку — пробежка вниз по лестнице — кружочков десять-пятнадцать.

По ночам их неизменно терзали старухи. Репертуарчик разнообразили, то цыганками наряжались, то пожарными, то медсестрами. А как-то вырядились стюардессами и разыграли рейс в Каракас с досрочной высадкой в океан двух пассажиров. Естественно так все получилось. И когда старухи выпихнули их из самолета на высоте десять тысяч километров над серединой Атлантики, забрезжила надежда. Ну все, сейчас примут нас соленые воды океана, а там уж, даст Бог — выживем, а не даст — все лучше, чем безнадежно в опостылевшей комнате гнить. Но... плюхнулись не в океан, а на пол все в той же комнате, чуть не придавив, едва успевшего отпрыгнуть Степан Степаныча.

Потом они пытались приспособиться к такой жизни. Мила пробовала рисовать. Изрисовала стены, потолок, пол. Он засел писать роман о ведьмах, но вскоре забросил.

Так прошло десять лет. Однажды вечером, когда вконец потерявшие нормальный человеческий облик Мила и Ося обнаружили, что сердобольная Серафима Яковлевна их сегодня ничем не покормила, они пошли к ней в комнату. Раньше ни разу не заходили. Поскреблись тихонько в дверь — нет ответа. Постучались посильнее — тишина, даже кот молчит. Зашли.

Первое, что бросилось в глаза, был большой старинный черный котел, стоявший в углу. Чуть поодаль — метла из березовых прутьев. Серафима Яковлевна лежала на кровати без признаков жизни. На столе было причудливой формы странное черного цвета зеркало. Поднесли его к старухиным губам. Но поверхность не замутилась, оставшись черной, гладкой, холодной...

Старушка-то преставилась. И одновременно издох Степан Степаныч.

На следующее утро, проснувшись, Ося даже не сразу осознал, что случилось. «Вроде бы ничего особенного, но что-то было не так. Точно. Этой ночью их впервые не мучили старухи!»

Машинально выйдя из квартиры, Ося привычно побежал вниз по лестнице. Жеку+Пусика уже давно похоронил косметический ремонт, а все стены были разрисованы из балончиков. Но сегодня Ося почему-то вспомнил именно ту надпись.

Ося даже не сразу осознал, что очутился на улице. Глаза слезились от непривычно яркого света. Он шел, не разбирая дороги. Просто шел, не понимая и не замечая, где идет. Главное, что не по кругу, а вперед и вперед. Его просто опьянило и оглушило состояние еще не осознанной свободы. Если бы он различал улицы, по которым брел, то все равно не узнал бы их: за десять лет так много изменилось. Вначале он видел лишь общую панораму города, потом начал замечать детали: вспорхнувшую из-под ног птицу, деловито обнюхивающего мусорный бак пса.

Он свернул в какую-то подворотню. И еще не успев из арки выйти в просторный по питерским меркам двор, как вдруг увидел... По дорожке семенила сухонькая старушка в длинном пальто и давным-давно вышедшем из моды берете. Ее быстрой походкой нагонял рослый парень в черной куртке. Больше во всем дворе никого не было. Поравнявшись с бабулькой, парень вдруг резко рванул и побежал вперед. Бабушка на сумочка теперь была в его руке. Старушка покачнулась от резкого рывка и, не удержавшись на ногах, медленно осела на колени.

Парень бежал к другой арке, уводящей еще дальше в лабиринт дворов. Но путь его пролегал наискосок мимо того места, где находился Ося. Скорее на инстинкте, чем осознанно, Ося бросился наперерез вору. До точки встречи было всего метров семь-восемь. Уже поравнявшись с парнем, Ося зачем-то крикнул истошно:

— Милиция!

И в следующий момент налетел на грабителя. Тот, на бегу отмахнувшись рукой, сильно врезал Осе в скулу. Но Ося успел поставить подножку и ухватиться за рукав черной куртки. Оба упали. Парень сразу очутился сверху и, нанося беспорядочные удары, процедил:

— Не милиция, блин, а полиция, урод.

Уже слабо соображая, что происходит, чувствуя только боль, в Осе вдруг вскипела волна ярости, придавшая ему сил. Он опрокинул парня навзничь, левой рукой надавил ему на горло, а правой нанес несколько прицельных ударов в лицо. Парень перестал сопротивляться. Ося встал и поднял с земли сумочку. Посмотрел, что бабулька еще только поднялась с одного колена. И в этот момент...

Оглашая двор сиреной, в арку на полной скорости влетел полицейский «козелок». Из машины выскочили баба Маруся и Петровна в милицейской форме.

«Нееееет! Только не это. Значит, я так и не вышел из дома — это был всего лишь сон. Все продолжается. А Серафима Яковлевна действительно померла, или тоже пригрезилось?»

Тут Ося увидел Серафиму Яковлевну в невесть откуда собравшейся толпе.

— Да, я своими глазами видела, как этот косматый вырвал у нашей Любушки сумку и побежал, — обличающе глядя на Осю, говорила Серафима Яковлевна. — А парень этот его нагнал и пытался отобрать сумку.

— Это же Вовка, Маришкин сын. Из пятнадцатой они, из угловой, — вступила в разговор средних лет женщина с толстыми ногами.

Милиционер Маруся ухватила Осю за левую руку. Петровна уже собралась скрутить ему за спину правую.

«Толку, конечно, никакого, но почему бы и мне не потешиться», — мелькнула у Оси мысль, и он с размаху саданул Петровне кулаком в грудь, ожидая увидеть, как прогнется, спружинит резиновое тело под его кулаком, а то и вовсе в дырку вмажет...

Но кулак с размаху уперся в твердую грудь, расцарапав до крови костяшку о металлическую форменную пуговицу.

— Ах ты, козел такой! Сопротивление при задержании?!

Ему больно заломили за спину левую руку, так, что хрустнули суставы, и Ося согнулся.

Вместе с этим вернулась и фокусировка на реальности. Обычные два мента — один лопухий, а второй с отвислыми по-бульдожьей щеками. Да и старуха та вовсе не Серафима Яковлевна, так, может, лишь смутно похожа.

«Фу-ууу, все-таки свобода», — с облегчением подумал Ося и получил прицельный удар в солнечное сплетение от лопухого.

Давно не мытого, не стриженного, поросшего густой косматой бородой, в старой, заношенной и давным-давно не стиранной одежде Осю доставили в отделение. Без документов.

Подслеповатая старушка Любаша подтвердила, что это он вырвал у нее сумку с пенсией. На Осю с облегчением повесили еще десяток аналогичных эпизодов, ну а дальше:

— Встать. Суд идет.

Лунными ночами Ося не спит. Он смотрит в небо. Оно, конечно, в клеточку. Но еще он видит там такое знакомое, такое любимое обнаженное тело, сидящее верхом на метле. И тогда сокамерники нещадно бьют его, потому что он будит их своим криком:

— Милиция! Милиция!

ЦВЕТОК АРКТИКИ

В Вологде на железнодорожном вокзале нас встретил Решетников.

— Добралесь нормальненько?

— Да, хорошо, спасибо.

— Борт вылетает через два часа. Там все строго по-военному, так что поехали прямо к самолету. Часы пробьют, никто ждать не будет. Вы, надеюсь, не голодные?

Решетников меньше чем за час домчал меня и Серегу до небольшого запрятанного в лесу военного аэродрома.

— Бумаги на вас я все подписал. Тут не как на «гражданке». Здесь у них все строго. Лишний коробок спичек не провезешь. Даже на то, что можно, надо десять разрешений оформить. А в основном ничего нельзя. Инструменты вы ведь с запчастями посылкой отправляли? Я их все по описи тоже провел.

— Я с собой еще взял пассатижи обжимные, — сказал Серега.

— А что это такое? Они большие? — забеспокоился Решетников.

— Положи в косметичку, скажешь, что маникюрные ножницы, — решил пошутить я.

— Тогда уж скорее щипцы для завивки волос, — поддержал Серега и погладил гладко выбритый череп.

— Надеюсь, что проскочит, — озабоченно ответил Решетников, — но вы там лучше не очень острите. Это ж армия. Шаг вправо, шаг влево... конечно, не расстрел, но баа-альшие неприятности. — Если б знали, как я устал с ними работать, — сокрушенно добавил Решетников, задирая локоть, чтобы взглянуть на часы «TISSOT», стоимостью с небольшую малолитражку.

Он провез нас через КПП, дальше пешком провел еще через одно, и мы очутились у самого летного поля рядом со строительным вагончиком защитного цвета.

— Вот. Это — ребята, летят монтировать снегоплавилки на точку... Тут все документы, — сказал Решетников широкоплечему мужику с веснушчатым и от того казавшимся очень детским лицом.

— Ложь сюда документы. Садитесь пока, мужики, — сказал широкоплечий после обмена крепкими рукопожатиями.

Решетников потоптался еще некоторое время с ноги на ногу, дважды посмотрел на часы:

— Ну, я больше не нужен. Наверное, поеду, еще сегодня дел невпроворот.

— Тут аэропорт, а не кабак. Если не летишь, чего ж сидеть, — напутствовал его веснушчатый.

Мы с Серегой расположились в тесном вагончике, выполнявшем роль зала ожидания, вместе с веснушчатым старлеем и высоким худощавым офицером по имени Витяй,

отличавшимся примечательным орлиным носом и выразительными карими глазами. Группа новобранцев из десяти-двенадцати вчерашних школьников расположилась, кто сидя, кто лежа на рюкзаках и куртках, на летном поле в ожидании вылета на один из островов Северной Земли. Они летели на год службы, мы с Серегой — на два дня.

— Ну че, Витяй, хватит уже, полетели, — обратился широкоплечий веснушчатый старлей к напарнику, когда вылет задержался уже больше чем на час.

— Давай пообождем еще чуток. Я ж те говорил, что тут одна замута с мамзелью получилась. Так она сейчас звонила. Умоляла подождать. Перепутала автобус, не туда уехала.

— Твои проблемы. Да по мне хоть вообще не лететь. Салаги уже четвертый час маринуются. А у баб вечно что-то не туда едет, даже земля у них вертится в обратную сторону.

Сквозь запыленное стекло я увидел стройную фигурку девушки с сумкой через плечо в короткой курточке, а-ля до пупка, в обтягивающих джинсах, потертых золотистых кроссовках на высокой гейше и в оранжевой шапочке с большущим помпоном.

— О, вон, кажись, и она. Явилась не запылилась.

— Так че, объявляем посадку, Витяй.

— Давай, давай посадку. А она ниче себе. Я ее так и представлял... Ща мы быстренько взаиморасчеты произведем.

— Ты че, Витяй. Давай борзость-то поприбери. Мне уже трижды звонили с точки. Майор там на мыло изошел. Я уже устал отмазы выдумывать. Сначала на летчиков валил. Так потом майор с летными созвонился... Мы хрен знает сколько в небе будем. В дороге все оформишь.

— Мужики, слуште, можете пересесть на вон те козырные места, мне тут надо с барышней пого..., — подошел к нам вскоре после взлета Витяй.

— Нет. Нет. Не пересаживайтесь, — испуганно залепетала она, впившись ноготками в мою руку.

— Земляки вот мои оказались, представляете, товарищ капитан, — прибавила она лейтенанту Витяю сразу две звезды на погон.

Хороши, блин, земляки: я коренной питерский в третьем, Серега — во втором поколении. А она — девочка-припевочка из Мухосранска (извините, на самом деле оказалась из Мухореченска Вологодской губернии).

— Подожди, лейтенант, мы тут на самом интересном месте остановились — вспоминаем резной палисад, через который я -дцать лет назад к ее мамке лазал, — пришлось мне поддержать басню девушки.

— Зря вы так, мужики...

После того как Витяй, побывчившись, потоптавшись, недовольный ушел на свое место рядом с веснушчатым широкоплечим старлеем, я, вопросительно посмотрев на свою руку с красными метинками от ноготков, перевел взгляд на экспрессивную соседку. Она виновато смотрела на меня из-под наскоро и не очень умело подведенных тушью ресниц. В ярко-изумрудных глазах читалось сомнение. Поколебавшись пару секунд, она, надолго уперев взгляд в свои острые девчачьи коленки, без остановок шепотом рассказала свою историю.

— Я в него по уши... ну, он, в смысле, мне понравился... то есть я его первый раз заметила, когда к нам приехал ПВ, и мы со Светкой достали билеты в «Бочку». Это клуб у нас самый замороженный. Туда только через знакомых, и то за бабки. Так глупо по-

лучилось, но я... В ПВ я еще по клипам влюбилась. У меня вырезки были из «Cosmo» и «Натали» с его фотками.

Мы со Светиком к самой сцене подобрались, протиснулись, хоть очень густо было. Он, ПВ в смысле, в двух метрах от меня был. Я в его ауре прямо очутилась, танцую, а тут бац... Ну, надо ж... все китайцы безрукие, криволазые... У меня шпилька подломилась... я чуть не рухнула... только толпа такая густая, что яблоку негде упасть, не то что мне...

Ну, и поковыляла в туалет... по дороге разревелась... а там, когда тушь начала смыть, линзу утопила... Потом привела там себя в порядок, успокоилась, когда решила, что босиком пойду... В этом маленьком сиреновом платье с блестками мои ноги без шпилек ничуть не хуже смотрятся... Линзу вторую тоже вынула, потому что они у меня цвет изумрудный дают... что же мне с разными глазами идти...

Выхожу из туалета, а там он, сам... Храбрости набралась, ведь такой шанс раз в жизни бывает...

— Можно у вас автограф попросить?

А он почему-то молчит. И я боюсь даже ему в лицо взглянуть. Гляжу только на его розовый пиджак, будь он не ладен. Я и говорю:

— Мне ваш альбом «Х» очень нравится.

Тут он наконец ответил:

— Конечно, можно. Как тебя зовут, крошка?

А у меня вообще мозги поплыли... говорю:

— Крыся.

Это Светка меня так зовет, если мы вдвоем. На людях — нет. Знает, что если что, я ей засвечу так, что в Засветку превратится. Меня, вообще-то, Кристиной зовут.

— Вот это да, — говорит. — Никогда такой милой крысы не видал... Надо тебе очень особенный автограф оставить. Хочешь?

— Ага.

— На животе, около пупка.

— Это как? А что с концертом...

— Да подождет. Никуда не денется...

За руку меня схватил и тащит. Не поняла, как мы в кабинке туалета очутились... И там он меня... поцеловал... Я сначала хотела вырваться, а потом... ну, в общем, мне понравилась, и я думаю про себя: «Не будь душой — это же сам ПВ...»

Когда глаза открыла... после поцелуя... в лицо ему глянула...

О, боже! Как я завизжала на весь сортир, нет, наверное, на весь клуб... Это же не ПВ!!! Хорошо, что он меня следующим поцелуем заткнул...

У него пиджак такой же розовый. Он потом сознался, что специально его одолжил у Парсека. У того сеструха в бутике на «Ракете» работает. Дюха там его и присмотрел. А Дюха у нас в школе как раз учился на класс старше, я его как разглядела, так сразу вспомнила. Он еще и прическу себе под ПВ сделал для прикола... Вот и прикололся...

Но он так классно целовался, что после это второго поцелуя я как-то про ПВ позабыла. Мы еще минут двадцать в кабинке просидели...

Но ничего у нас не было. Я — не такая. Я только разрешила ему мне вокруг пупка шариковой ручкой написать: «Дюха + Крыся = Лю». Он красиво написал, очень художественно, с завитушками.

Вы мне не верите? — не поднимая глаз, спросила она.

И я почувствовал, что она сейчас может разреваться. Вспомнив, что еще до самолета обратил внимание на ее неестественно изумрудные глаза, поскорее ответил, от греха подальше:

— Верю, верю, конечно...

— А через две недели его в армию забрали. Мы с ним и не виделись больше. Но я решила написать ему письмо и отправить свою фотку. Это Светик подговорила. Напиши ему да напиши. И главное — фото вложи. И щелкнула меня в этом маленьком платье на каблуках.

А потом он мне ответил. И так нежно, красиво. Не успела я отписаться, как еще одно получила. Я читала их как роман, в котором главная героиня — я. Это так клево было. Фото свое в форме прислал. Вот тогда я, наверное, и влюбилась...

А через полгода написал, что просит меня приехать и телефон дал ихнего офицера, ну, Виктора этого, что он может помочь меня переправить на острова на свидание...

Низкое огромных размеров светло-желтое солнце освещало белую пустыню, истыканную разных размеров бурными вершинами камней, напоминавших кротовые норы. Самолет сел в эту пустыню и покатился, постоянно подрагивая и подпрыгивая на неровностях. Через пару минут после того, как затихли моторы, подъехал ярко-оранжевый гусеничный вездеход, а за ним армейский тентованный грузовик на неестественно больших колесах.

— Новобранцы! Приготовились к выходу. Выходим по одному сразу за старлем, — скомандовал Витяй, мотнув головой в сторону широкоплечего. — Внизу у трапа строимся в шеренгу по одному. Все понятно? Почему не слышу: так точно, товарищ лейтенант.

Нестройный хор ответил: «Так точно».

— Чего как сонные мухи!? Летели четыре часа, должны были выспаться на год вперед.

— Гости и командировочные, пока обождите на своих местах.

Через иллюминатор мы видели, как рядом с самолетом выстроилась неровная линейка новобранцев в стандартной буро-зеленой форме с рюкзаками через плечо. К веснушчатому старлею подошел коренастый майор в ушанке, теплой защитного цвета куртке и унтах. Сначала они козырнули друг другу по-военному, потом пожали руки. Широкоплечий что-то скомандовал, и нестройная шеренга чуть приосанилась. Подъехал снегоход. С него спрыгнули два солдата в белых комбинезонах с желтоватыми разводами, очень напоминавшими окрас белых медведей, которые на самом деле не абсолютно белые. Подумалось: «Вот он, защитный цвет в этих краях». «Белые медведи» слезли со снегохода и пошли под брюхо самолета, видимо, разгружать. Майор что-то сказал широкоплечему и обратился к шеренге.

— Командировочные... Горынычи, на выход, — просунулась в салон самолета голова веснушчатого. Горынычи — это мы с Серегой. Фирма у нас «ГОРЫНЫЧ» называется.

— Я тоже с ними, — полувопросительно, полуутвердительно пискнула Крыся.

— А вот ты лучше сиди и помалкивай, если не хочешь вернуться домой, не покидая самолета, — сказал Витяй и с хохотком добавил: — Как этот из «Приключений итальянцев в России», бородатый такой.

— Сейчас точно лучше не высывайся, — поддержал Витяй широкоплечий, — а то и тебе, и нам небо с овчинку покажется.

— И совсем без звезд... на погонах, — опять пошутил Витяй.

Майор, оказавшийся командиром части, крепко стиснул мне, а потом Сереге протянутые для рукопожатия руки:

— Садитесь в вездеход. Старшина Клименко вас отвезет на место. Все покажет, расскажет. Отдохнете с дороги, а мы с вами завтра обо всем потолкуем.

Скребнула мысль: «Как же Крыся отобьется от настойчиво желавшего расплаты Витяя?» Но лезть со своим уставом в чужой монастырь — как бы хуже не сделать.

Воинская часть представляла хаотично разбросанные одноэтажные бараки и металлические блок-контейнеры, словно гигантскими языками залищенные снежными наносами снизу, почти до самых крыш. Единственное двухэтажное здание, видимо для командного состава, одновременно выполняло функцию гостиницы. В нем нам и выделили с Серегой комнатуху с двумя кроватями.

Самолет на Большую землю улетал через два дня. Работы по ремонту было невпроворот, поэтому о Кристине я вспомнил снова, лишь когда мы поднялись на борт самолета и обнаружили ее там.

Она посмотрела на нас из-под челки свалывшихся волос своими выразительными серыми глазами. Когда мы подошли ближе, узнала нас и улыбнулась:

— Садитесь со мной.

— А где же линзы?

— Да вывалились. Где-то тут потерялись.

— Ты что же, так двое суток и не выходила из самолета?

— Выходила, конечно. Но в части они меня не могли оставить. Я как бы жила здесь, в самолете.

— И что твой Дюха?

В самолет стали заходить дембельнувшиеся солдаты и два офицера, получившие отпуск.

— Когда взлетим, расскажу, — заговорщически прошептала Крыся.

— Этот капитан, ну, Витя этот, сначала оставил меня в самолете и велел помалкивать. Потом вернулся. Разгружать закончили, пилоты тоже уехали, все уехали. А он ко мне и подкатил за расчетом. Ну, он, еще когда я по телефону его упрасивала взять меня, говорил: «А чем, мол, расплачиваться будешь?» Я редела и отвечала, что у меня нет денег. А он — что девушка и без денег может найти, как расплатиться... намекал...

Когда он вернулся, то сразу заявил, что все уехали, он тут один, обо всем договорился с пилотами, и если я буду выезживать, то он просто оставит меня здесь взаперти на двое суток...

Я подумала о Дюхе, вспомнила его письма и решила, что лучше не буду сопротивляться, тем более что он такой страшный сделался, и... в общем так, он меня начал лапать, тискать, раздевать... Я не сопротивлялась, но когда он уже собрался... ну, в общем, ничего у него не получилось...

Он вначале разозлился так, разорался на меня, что я селедка, бревно, жаба холодная... думала, сейчас прибьет... но потом он вдруг как-то резко размяк, носом захлопал, как маленький, чуть не заплакал... Блин, говорит, бром в чай добавляют. Он уже второй год здесь на краю света торчит, кроме моржей и белых медведей, никого не видит. Тут вообще баб — раз, два и все: жена командира, жена зама да жена старлея. А он не успел до отправки сюда жениться. Кинула его девушка, с которой гулял...

Жалко его стало, я ему посочувствовала...

Он тогда говорит:

— Ладно, поехали.

Потом оглядел мою куртку и джинсы и говорит:

— Подожди. Комбинезон тебе привезу, а то превратишься в Цветок Арктики.

Он приехал за мной после отбоя, катал по этой заснеженной пустыне на снегоходе. Потом привез к казарме их и велел, чтобы ждала:

— Щас твой Принц к тебе выйдет.

— Андрюша! Вот я и приехала... Как ты просил.

— Что, я? А? — Дюха щурился на слепящее низкое круглосуточное солнце.

— Я, если по правде, и не думала, что ты меня с того концерта своей девушкой считаешь. Я тебе так просто написала, потому что подумала, что тебе в армии нелегко. И еще Светка меня так здорово сфоткала, что я подумала — пошлю тебе. Правда, я ведь там так классно получилась. Но я не ожидала, что ты меня такими письмами нежными, красивыми засыплешь. Я так, как ты, не умею написать. А у тебя каждый раз, как новая песня — «я смотрю на твою фотографию, закрываю глаза и кожей ощущаю, как щекочут ее твои волосы, развевающиеся на ве...»

— Подожди, подожди. Блин, я ты в этой медвежьей шкуре не узнал. Это я тебе в «Бочке» в сортире живот расписывал? Во дела! Ты как здесь, землячка?

— Потом Виктор отвез меня обратно в самолет, захватив с собой одеяла, теплый свитер и чай. Все-таки было лучше не светить меня перед начальством. Самолет стал моим домом на эти два дня. Он приезжал ко мне, привозил еду, катал еще раз... Далеко ездили, на берег, он показал мне ледяные цветы Арктики... Он рассказывал, что это как-то там соль и лед в такие причудливые цветы превращаются... это так красиво: вся поверхность воды усыпана большими белыми ледяными кувшинками... А еще он цитировал письма... написанные им мне, якобы от имени Дюхи... Он как первое письмо перехватил, так уж и не мог остановиться... Я ж говорю — Светик меня классно сфоткала...

Когда мы уже приземлились на военном аэродроме близь Вологды, к Кристине подошел дембель по кличке Электроник. Несмотря на дембельское положение, его прикомандировали нам с Серегой в помощь как самого умного, поэтому мы и знали этого отслужившего два года парня, но все равно оставшегося типичным «ботаником».

— Вот, чуть не забыл, это вам лейтенант просил передать, — смущаясь, он протянул Кристине коробку, завернутую в газету «Звезда».

Крыся распаковала сверток. Там на подушечке из мха лежало несколько чахленьких желтых цветочков.

Я подумал: «Кто бы мог заподозрить, что за напускной грубоватостью и простоватостью Витя скрывается такая романтическая натура. Прямо Сирано Де Бержерак».

Взглянул на Крысю. В ее серых глазах блестели слезинки.

— С такими делами тебе надо на очки переходить, а то линз не напасешься.

Она улыбнулась в ответ счастливой улыбкой Лягушки, только что превратившейся в Принцессу.